

ГЛАВА III

Варианты и прогнозы

*Комиссия для отчета • Борьба против "табу" •
"Коммунист" разбушевался • Донос • История
с "Шевроном" • Михаил Горбачев • Странный
Борис Ельцин • Программа "500 дней" •
Григорий Явлинский • Институт экономической
политики • Прогнозы грядущей катастрофы*

К КОНЦУ 70-х — началу 80-х годов советской политической элите все в большей мере становилось ясно: что-то с системой управления нужно делать и, вместе с тем, ничего серьезного сделать невозможно. Несколько лет готовившаяся вторая попытка косыгинских реформ была зафиксирована в июньском (1979 г.) Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О совершенствовании хозяйственного механизма", после чего тихо скончалась в начале 80-х, почти никак не сказавшись на функционировании бюрократической экономики.

К моменту смерти Брежнева пакет нововведений в системе управления был практически пуст. Единственно существенное, что там еще лежало, — административная реформа цен. Но каждый раз, подходя к ней, партийное руководство останавливалось в страхе перед лавиной массового недовольства. Между тем крах геронтократического политбюро, череда похорон, получившая в народе название "гонки на лафетах", создали своеобразный политический вакуум, требовавший новых идей.

Более молодое поколение партийного и хозяйственного руководства, возглавляемое М. Горбачевым, хотело разобраться с тем, что происходит в экономике. Одним из шагов в этом направлении стало создание Комиссии политбюро ЦК КПСС по совершенствованию системы управления. Ее формальным руководителем был ветхий председатель Совета Министров Тихонов, но реальным мотором — ди-

намичный, имевший в то время репутацию одного из наиболее энергичных лидеров хозяйственной номенклатуры Николай Рыжков, недавно назначенный секретарем ЦК КПСС по экономике. При Комиссии были образованы два органа: рабочая группа, куда входили ключевые заместители руководителей Госплана, Министерства финансов, Госкомитета по труду, Госкомитета по науке и технике, Госкомитета цен, Госкомстата, и научная секция, объединявшая директоров ведущих экономических институтов. Руководство научной секцией было возложено на директора нашего института академика Д. Гвишиани.

Часть представителей более консервативного крыла хозяйственного аппарата и партийных руководителей рассматривала все это как способ выпустить пар, создать видимость бурной деятельности. Но для лидеров новой генерации это был способ аккумулировать накопленный интеллектуальный потенциал, выработать документы, которые можно было бы использовать, когда верховная власть будет в их руках и свобода маневра резко расширится. Впоследствии Горбачев неоднократно вспоминал о десятках документов, подготовленных к моменту его назначения генеральным секретарем. Работа Комиссии политбюро по совершенствованию управления как раз и была одним из направлений формирования этого пакета.

Ключевой вопрос в любой бюрократической организации, будь то комиссия или комитет: а кто станет конкретным исполнителем? Есть колоссальное количество начальников, сановников, академиков, но они ведь, как правило, сами не пашут, их амплуа — давать указания. Поскольку же руководство научной секцией было, как уже говорилось, возложено на Джермена Гвишиани, то исполнение легло на отделы, возглавлявшиеся Борисом Мильнером и Станиславом Шаталиным, и в первую очередь на нашу лабораторию.

Указание политбюро ЦК КПСС по тем временам было волшебным словом, открывавшим любые двери. А потому наши возможности получать реальную информацию о состоянии народного хозяйства и протекающих в нем процессах резко расширились. Мы как бы стали причастны к властной элите, разумеется, в качестве ее научного, обслуживающего аппарата.

Хорошо помню свое первое знакомство с управленческими традициями и практикой поздней социалистической эпохи. В самом начале 1985-го с группой чиновников, направленной ЦК КПСС и Советом Министров СССР, выехал в Минск для проверки хода так называемого крупномасштабного экономического эксперимента в Министерстве легкой промышленности Белоруссии. Комиссия начинала работу в 8 утра. Сменявшие друг друга представители ЦК Компартии и Совета Министров Белоруссии начинали произносить тосты еще за завтраком, и эта веселая жизнь продолжалась до ужина, когда уже просто грех не выпить на сон грядущий. Впрочем, надо признать, что к моим попыткам получить какие-либо данные по эксперименту белорусские хозяева относились вполне снисходительно: ну понятно, парень из науки, надо же ему хоть что-нибудь писать в отчете.

Наряду со всей этой в чем-то даже любопытной суетой шла и работа в высшей степени важная. Пожалуй, наиболее серьезным документом, вышедшим из научной секции Комиссии, стала "Концепция совершенствования хозяйственного механизма предприятия", подготовленная по заданию Рыжкова. В довольно большом, 120-страничном, документе обозначались основные направления возможной экономической реформы в масштабах Союза. К работе над ним, помимо сотрудников нашей лаборатории, привлекли молодую команду ленинградских экономистов, в которую входили Анатолий Чубайс, Сергей Васильев, Сергей Игнатъев, Юрий Ярмагаев и

другие. Для них сам факт привлечения к работе по линии Комиссии политбюро был своеобразной индальгенцией, защищающей от возможных серьезных неприятностей, ведь Ленинград в те годы славился идеологической **кондовостью**.

Речь в названном документе шла о достаточно осторожной экономической реформе, важнейшей предпосылкой которой было ужесточение финансовой и денежной политики. Предполагалось отказаться от директивных плановых заданий, ввести стимулы, связанные с прибылью, сохранить строгое нормативное регулирование заработной платы, постепенно либерализовать цены по мере стабилизации положения на отдельных рынках, осуществить осторожные меры по либерализации внешнеэкономической деятельности, создать рядом с государственным частнопредпринимательский и кооперативный секторы экономики.

За основу многих предлагаемых решений были взяты наработки венгерской реформы 68-го года и ее последующих модификаций, — приспособленные, естественно, к советской специфике. Мы отдавали себе отчет в том, что предлагаемая модель ни в коей мере не может рассматриваться в качестве идеала, но считали важным осуществить хотя бы эти осторожные шаги в направлении рынка, создания эталонов негосударственной экономики как предпосылки для последующей эволюции системы, мягкого выхода из социализма.

Наиболее серьезные внутренние дискуссии вызывал выбор тактики реформы. Меры по финансовой стабилизации (на тогдашнем птичьем языке — "повышение сбалансированности народного хозяйства"), по нашему мнению, необходимо было осуществить в первую очередь. Слишком свежи были в памяти попытки польских реформ 70-х годов, когда финансовая дестабилизация быстро подорвала эффективность всех введенных рыночных механизмов.

Социализм, если взглянуть на него с точки зрения рыночной экономики, — это наиболее развитая система регулирования подавленной инфляции, аналог военной экономики, система, приспособленная к управлению в условиях дефицита и несбалансированных цен. Именно поэтому мы полагали, что, если хочешь добиться хотя бы мало-мальски упорядоченного выхода из социализма, необходимо сделать акцент на финансовой стабильности, поддерживать которую социализм в его устойчивом виде, как правило, оказывался способным. Конкретным подтверждением этому служили относительно успешные рыночные преобразования в ходе югославских реформ 50-х, венгерских — 60-х и китайских — 70-80-х годов. Путь к успеху во всех случаях лежал через сохранение достаточно жесткого контроля за важнейшими денежными и финансовыми параметрами.

Возвращаюсь к нашей Комиссии. Сочетание высокого идеологического ее прикрытия и авторитетного начальства, не склонного вникать в детали, позволило нам быть достаточно свободными в своих разработках, использовать идеи и терминологию, употребление которых в открытой печати того времени привело бы к немедленным идеологическим репрессалиям, закрытию соответствующих изданий, кадровым перестановкам. За куда меньшее Центральный экономико-математический институт прошел через идеологическую экзекуцию и реорганизацию.

Надо сказать, что наработки Комиссии отражали достаточно широкий консенсус в либеральной научной среде. При обсуждении концепция получила почти единодушную поддержку академической элиты. Пожалуй, только директор наиболее идеологизированного Института экономики Академии наук Н.Капустин критиковал ее за излишний радикализм. j

Зато при обсуждении концепции на вышестоя-

шем партийном и государственном уровне нас ждали серьезные разочарования. Выступления на рабочей группе представителей ведомств напоминали традиционную идеологическую проработку. Если принять предложенный документ, возмущался один из представителей ЦК, придется признать, что мы скатимся на путь развития товарно-денежных отношений, разве это допустимо?

Джермен Гвишиани, вернувшийся от Рыжкова, подтвердил: политическое руководство страны не готово к столь радикальным преобразованиям. И значит, надо оставить бесплодные мечтания и заниматься дальше развитием экономического эксперимента на уровне рутины.

В отвратительном настроении заехал к отцу (он лежал в военном госпитале), рассказал о последних новостях, под дождем поехал домой. Включил телевизор — выступление Горбачева на совещании по научно-техническому прогрессу. Во многом — наши слова, наши предложения, записки, которые мы писали, демонстрируемая готовность уходить от догм, идеологических ограничений. Пусть далеко не все из того, что говорится, точно, но идеологически область допустимых уступок явно расширяется. Появилась надежда пробиться через слои высокой бюрократии и достучаться до верхней власти, объяснить реальное положение, реальные альтернативы, возможные пути осуществления новой экономической политики.

Вообще, время раннего Горбачева было временем надежд и сомнений. И в Советском Союзе, и на Западе гадали, на самом ли деле нам предстоят серьезные изменения или это очередная кампания, каких было немало, — поговорят немножко, может быть, на время откроют идеологическую форточку, а потом пересажая тех, кто неосмотрительно воспользовался свежим воздухом? Один из самых характерных образцов интеллигентского народного творчества этого периода:

Теперь у нас эпоха гласности,
Товарищ, верь, пройдет она,
А Комитет госбезопасности
Запомнит наши имена.

У нас в институте тоже постоянные споры и все о том же: в какой мере серьезны намерения нового руководства? Большая часть моих друзей, знакомых, единомышленников настроена, скорее, скептически. Бюрократия могуча и консервативна. Поговорят, поговорят и все вернется на круги своя. Где вы видите реальные изменения? Конечно, хотят задурить голову Западу, очередной раз надуть, может быть, под сурдинку выбить уступки, улучшить условия доступа к западным технологиям, но этим все и ограничится. Не пойдут они на глубокие преобразования, которые могут пошатнуть основы их тотального контроля над экономикой. Зачем рубить сук, на котором сидишь?

Я отстаиваю иную позицию, хотя остаюсь в явном меньшинстве. Мне кажется, что очевидная архаичность экономической системы, само столь видимое отставание от уходящего вперед Запада должны стимулировать радикальные изменения, во всяком случае со стороны более динамичной и инициативной молодой части руководства. Потом, честно говоря, мне просто симпатичен Горбачев, он кажется мне искренним в своем желании добиться перемен и сознающим, насколько эфемерно относительное благополучие, основанное на нефтяных доходах. Да, я замечаю, конечно, многочисленные его неточности в оценке событий. И вместе с тем, на фоне мрачной архаики предшествовавших поколений руководителей он подкупает своим динамизмом, готовностью к общению с людьми, открытостью. А главное — дела. В это время выходят книги, которые десятилетиями лежали под спудом. С интересом ожидается каждый новый номер толстого журнала. И это после унылой апатии конца 70-х — начала 80-х.

У Аркадия Стругацкого и его брата Бориса скопился целый ворох не опубликованных в России произведений. **Что-то** из этого выходило за границей, **что-то** мы читали в рукописях. Аркадий Натанович уже не надеется увидеть их изданными в России. Я убеждаю его в том, что теперь это возможно. И действительно, плотина прорывается. Публикуются "Гадкие лебеди", "Улитка на склоне", "Сказка о тройке", "Град обреченный", "Хромая судьба". Ничего больше не надо пробивать. Журналы, издательства сами бьются за право получить залежавшиеся рукописи. Спрос не только на художественную литературу, но и на бывшие под цензурным запретом эссе по правовым и экономическим проблемам.

Многое из того, что печатается, действительно хорошо, интересно, талантливо. И все же возникают ассоциации со спящей царевной, заснувшей где-то в 60-е годы и пробудившейся от сна в середине 80-х. Круг идей, представлений об обществе во многом повторяет зады 60-х. В одну реку невозможно войти дважды. То, что было справедливо и интересно тогда, уже не отвечает реалиям конца 80-х. Особенно это бросается в глаза при чтении экономической публицистики. Модель экономического мира, которая там доминирует, явно устарела и выглядит наивно. Но это так, кстати. Главное, что снимаются запреты, и это обнадеживает.

Мы пытаемся достучаться до Горбачева, пишем ему записки по ключевым вопросам экономической политики, передаем их ему через академиков Станислава Шаталина, Александра Анчишкина. Какие-то следы своих предложений обнаруживаем потом в его выступлениях. Но чем дальше, тем больше возникает ощущение опасного расхождения его добрых намерений с конкретной экономической политикой.

К моменту прихода Горбачева денежно-финансовая сфера не свободна от серьезных диспропорций, и вместе с тем, темпы роста денежной массы устой-

чиво низкие, бюджет с учетом кассовых остатков традиционно сводится к превышениям доходов над расходами. Горбачев декларирует готовность снять идеологические ограничения на запуск рыночных механизмов. Легализованы такие слова, как "реформа", "рынок". Готовится решение по стимулированию кооперативного сектора, индивидуально-трудовой деятельности. И вместе с тем, в области экономической политики принимаются решения, подрывающие сами основы финансовой стабильности. Опаснейшая антиалкогольная кампания, попытка резко увеличить темпы роста капитальных вложений накладываются на падение нефтяных доходов и сокращение доли товаров народного потребления в импорте. Государственный бюджет получает сразу несколько мощных пробоин.

Несущая конструкция относительной денежной стабильности социалистической системы деформируется, начинает быстро разваливаться. Все идет в направлении, противоположном тому, которое мы отстаивали в своих предложениях и записках, я — в последних книгах и статьях. Вместо упорядоченной подготовки запуска рыночных механизмов входим в тяжелый финансовый кризис, резко усиливающий инфляционные тенденции в народном хозяйстве. И одновременно демонтируются механизмы, позволявшие регулировать подавленную инфляцию. Для специалистов понятно: экономическая политика приобретает опасное сходство с ситуацией в Польше накануне острейшего кризиса 1979-1981 годов, приведшего там к объявлению военного положения.

В конце августа 86-го года компания молодых экономистов проводит семинар на Змеиной горке под Ленинградом. Там вместе со мной Анатолий Чубайс, Сергей Васильев, Петр Авен, Сергей Игнатьев, Вячеслав Широнин, Олег Ананьин, Константин Кагаловский, Георгий Трофимов, Юрий Ярмагаев. В общей сложности, человек 30 экономистов-рыночников. В более узком кругу обсуждаем самые идео-

логически опасные вопросы. Например, пути формирования рынка капитала, обеспечение прав собственности.

Все мы остро испытываем чувство открывшейся свободы, простора для научных исследований, для реального изучения процессов, происходящих в экономике. Можно отказаться от эвфемизмов и недовольств, описывать протекающие процессы принятыми в мировой экономической литературе терминами. Все согласны с необходимостью упорядоченных реформ, готовящих советскую экономику к постепенному восстановлению рыночных механизмов и частнособственнических отношений. И вместе с тем, осознаем, что это будет в высшей степени не простым делом. Закончив работу, жжем костры, поем песни, шутим. На завершающем семинаре-капустнике я изложил два возможных сценария развития кризиса.

Первый назывался "На гребне". В нем определялось, кто какую роль будет играть в реформировании экономики. Надо сказать, что я точно определил ключевое место Чубайса в этом процессе. Вторым вариантом назывался "В складке". В нем определялись сроки заключения и размеры пайки, которую предстоит получать участникам семинара. Настроение, однако, было веселое.

В 1986 и 1987 годах идет интенсивная борьба за снятие идеологических табу, обсуждение новых тем, введение в открытый оборот запретных терминов. Цензоры, ведущие научно-экономические журналы и издательства хватаются за голову, им непонятно, что можно, а что нельзя.

Мощным тараном, крушащим идеологические стены, неожиданно становится обновленный журнал "Коммунист", традиционная цитадель ортодоксии. Возглавлять его поставлен старый знакомый Горбачева — академик Иван Фролов. Он обновляет редколлегию, на должность первого заместителя главного редактора приглашает известного эконо-

миста, долгие годы опального Отто Лациса. После назначения Лацис выступает у нас в институте, делится своим видением перспектив экономического развития, не исключает возможности острых идеологических баталий. Чуть позже звонит мне, просит зайти.

С удовлетворением подумал: видимо, хочет заказать статью. Это здорово, ведь я сознаю, что наши записки и опусы в профессиональных изданиях никак не могут исправить ту опасную цепь ошибок, которые дестабилизируют народное хозяйство, денежную, финансовую систему, уже частично привели к растущему дефициту на потребительском рынке. Создается впечатление, что власть просто не понимает происходящего, не отдает себе отчета в последствиях непродуманных решений. В этих условиях возможность высказаться по стратегическим вопросам со страниц такого влиятельного издания, как "Коммунист", — редкая удача.

Я не ошибся, Лацис действительно заказал мне статью, суть которой состояла в критике стратегии ускорения, ее практического воплощения. А затем неожиданно предложил возглавить экономический отдел журнала. Идея показалась и рискованной, и очень интересной. С одной стороны, ну какой из меня журналист или публицист! Мой привычный жанр — статьи для издания тиражом до 500 экземпляров, сугубо профессиональные и мало понятные для непосвященных в тонкости экономики. Потом, у меня уже запланирована новая книга, работа над ней требует времени. И вообще, нигде не чувствую себя так уютно, как в библиотеке, абсолютно не жажду избыточного общения с людьми. Сложилась научная репутация, наверное, скоро буду самым молодым доктором экономических наук в стране. Зачем же выбиваться из привычной колеи, пускаться в авантюры?

Но с другой стороны — страстное желание использовать открывающуюся беспрецедентную возможность, ввязаться в схватку по самым принци-

альным идеологическим и **экономико-политическим** вопросам. Ведь очевидно, что трибуна "Коммуниста", главного теоретического официоза, — мощнейшее оружие. Поколебавшись несколько дней, принял приглашение Лациса и никогда после не пожалел об этом. Хотя сознаю, что, наверное, именно в тот день на годы закрыл для себя дорогу в спокойную академическую жизнь.

"Коммунист" 1987-1989 годов — очень интересное явление. Там работали и те, кто оказался впоследствии среди национал-социалистов или в коммунистической фракции Государственной Думы, и те, кому было суждено проводить либеральные реформы. Были здесь и заслуженные, проверенные партийные аппаратчики, и бывшие полудиссиденты, и молодежь, мобилизованная из академической науки.

Почти одновременно со мной в журнал пришел Игорь Дедков, один из самых авторитетных литературных критиков России того времени. Молодой журналист Сергей Колесников неожиданно был назначен заместителем главного редактора. Впоследствии долгие годы он был советником и руководителем информационной службы Виктора Черномырдина.

К себе в отдел я пригласил коллег-единомышленников: Виктора Ярошенко, Алексея Улюкаева, Николая Головина, с которыми и потом немало пришлось поработать вместе. Журнал жил в атмосфере интенсивной внутренней дискуссии по принципиальным вопросам политики и идеологии, зеркально отражавшей противоречия в высшем партийном руководстве между ортодоксами, ориентировавшимися на Егора Лигачева, и либералами, группировавшимися вокруг Александра Яковлева. Журнал все более склонялся на сторону последнего. Заседания редколлегии, собиравшиеся еженедельно за огромным зеленым столом главного редактора, проходили интересно, интеллектуально насыщено.

Для того чтобы оценить все возможности и риск

работы руководителя экономического отдела в теоретическом журнале партии, надо сказать несколько слов о том, как был устроен механизм идеологического контроля ЦК КПСС. Традиционно человек, назначавшийся на такую должность, должен иметь за плечами серьезную школу партийного опыта, где главным правилом служит принцип сапера: ошибаешься один раз. Дело в том, что ответственная должность в партийном журнале давала право свободного выбора решений, и заведующий отделом не был обязан консультироваться с чиновниками из ЦК на счет того, что можно, а чего нельзя, он сам себе был цензором. Но это и налагало на него огромную личную ответственность, чреватую большими неприятностями: одна ошибка могла стоить всей дальнейшей карьеры.

Именно в силу этого ответственные работники "Коммуниста", журнала, впаянного в ткань высшей партийной иерархии, были, как правило, крайне осторожны. Но это был не мой случай, и пришел я в журнал не для того, чтобы оглядываться на Старую площадь. Мне было в высшей степени наплевать на возможность сохранения начальственного кресла и тем более — дальнейшей партийной карьеры, меня это место занимало исключительно с точки зрения возможности отстаивать свои собственные суждения, независимо от сохраняющихся еще цензурных идеологических ограничений. И потому в своей работе я сразу начал активно вводить в оборот до тех пор закрытые понятия, информацию, сведения, отсутствие которых в открытой печати парализовало целые направления экономических исследований.

На страницах "Коммуниста" появились ранее немислимые применительно к социализму термины: инфляция, безработица, бедность, социальное расслоение, бюджетный дефицит. Первые реалистичные оценки военных расходов. А главное — квалифицированный разговор о том, что происходит в народном хозяйстве страны. Пытаемся объяснить пра-

вящей элите пагубность избранного ею курса. Именно в этом — содержание общеэкономических статей, моих ежегодных обзоров, которые начинаю публиковать в "Коммунисте". Доказываю опасность попыток форсирования экономического роста за счет увеличения нормы накопления, пагубность формирующихся финансовых диспропорций, ведущих к развалу потребительского рынка. Указываю на опасность стремительно растущего внешнего долга.

Периодически раздаются звонки со Старой площади. Что вы делаете?! Разве эта проблема подлежит открытому обсуждению? Парировать подобное, как правило, несложно. Переспрашиваю: разве вы еще не знаете? И чиновник, точно не знающий, какова последняя партийная установка, тушуетя и оставляет в покое.

Случались, конечно, и серьезные конфликты. Первый из них — почти сразу после моего прихода в журнал. Он был связан со знаменитой артелью золотодобытчиков "Печора", возглавляемой Вадимом Тумановым, человеком сложной, противоречивой судьбы, ярким и очень интересным. Артели золотодобытчиков оставались рыночным островком в море социалистического хозяйства. Академик А.Аганбегян традиционно приводил их в своих выступлениях в пример того, как можно работать. Думаю, не случайно в этот период борьбы вокруг выбора стратегического курса решили нанести удар именно по золотодобытчикам, чтобы другим неповадно было.

Проверка прокуратуры ничего криминального не выявила. Тем не менее серия погромных статей в газете ЦК КПСС "Социалистическая индустрия", казалось, предрешала будущее "Печоры". Ознакомившись с документами, мы, в свою очередь, направили на место специалистов. Организовали собственное журналистское расследование и пришли к твердому убеждению, что обвинение в адрес "Печоры" не стоит выеденного яйца, что это чисто политическое давление. Опубликовали соответствующие материа-

лы. Впервые за десятилетия партийный журнал полемизировал с партийной же газетой! Новому редактору Н.Биккенину с подачи Е.Лигачева лично звонил М.Горбачев, устроил выволочку. Но шум постепенно утих, и колесо репрессий удалось остановить. Я вывел Вадима Туманова на заместителя председателя правительства по строительству Н.Баталина, и тот направил тумановскую артель в Карелию, дал ей возможность строить там дороги.

Второй инцидент был куда более масштабным и касался грандиозного проекта создания нефтегазохимических комплексов Западной Сибири с общим объемом финансирования около 40 миллиардов долларов.

Прежде чем рассказать об этом, хочу вкратце поделиться уже имевшимся у меня к тому времени опытом в области рождения подобных проектов. В Академии наук мне и моим коллегам неоднократно приходилось ввязываться в драку по поводу экспертизы крупномасштабных и на редкость неэффективных проектов, лоббировавшихся тем или другим ведомством. Самыми нашумевшими из них были проекты переброски сибирских рек в Среднюю Азию и северных рек в бассейн Волги. Оба не выдерживали никакой экономической критики. И там, и там нам удалось мобилизовать поддержку экспертов, общественности и затормозить крупномасштабные авантюры.

Для меня лично знакомство с механизмами лоббирования подобного рода проектов было интереснейшим опытом реального осознания системы бюрократической экономики. Именно поэтому меня давно перестало удивлять, что, например, строительство того или иного сооружения сначала обосновывалось резким падением уровня Каспия, а затем — резким его повышением. Я понял, что подобного рода аргументы не имеют никакого значения, что для их авторов важно получить ресурсы на определенный проект и пропустить их через соответствующую ведомственную структуру. В редакции "Ком-

муниста” мы неоднократно вступали в дискуссии по подобного рода принципиальным вопросам, включая такие, как безумный проект создания Туруханской ГЭС без малейшего представления о том, куда подавать вырабатываемую энергию, или проект Катунской ГЭС, не выдерживавший никакой критики с точки зрения экономической рациональности и рентабельности.

Наверное, именно поэтому кто-то из сотрудников государственного аппарата, по-настоящему озабоченных эффективным использованием государственных средств, анонимным звонком просил меня обратить внимание на готовящееся беспрецедентное постановление, результатом которого станет сооружение пяти крупнейших нефтегазохимических комплексов в Западной Сибири.

Проект далеко превосходил все, с чем приходилось сталкиваться. Его объемы в несколько раз превышали средства, затраченные на так и не достроенную Байкало-Амурскую магистраль. Сейчас, при явно вышедшем из-под контроля внешнем долге, в условиях тяжелого финансового кризиса, это было очевидной авантюрой. Коротко упомянул об этом проекте в обзоре российской экономики за 1989 год. И тут же получил гневную отповедь могучего лобби сторонников проекта. Шесть союзных министерств во главе с тогдашним министром газовой промышленности Виктором Черномырдиным подписали письмо в ЦК КПСС с просьбой привлечь к ответственности зарвавшегося кандидата экономических наук, который игнорирует решение партии по развитию Западной Сибири. Копию они направили в журнал "Коммунист", видимо, для соответствующих оргвыводов. Текст был составлен в лучших традициях партийной терминологии, любые экономические обоснования и рассуждения заменялись смачной демагогией и ссылками на решения съезда.

Что же, мы и напечатали его в журнале со своим подробным комментарием. Я проанализировал аргу-

менты, привел примеры предшествующих, хотя и меньших по масштабу, проваленных проектов, опубликовал данные о разбросанном по всей стране неиспользованном импортном оборудовании. Наверное, в прежней ситуации остановить подобного рода авантюру не удалось бы. Как неоднократно говорили мне мои друзья, если 40 млрд долларов решили куда-то перетечь, никакими силами ты их не удержишь. Но система уже явно пошла в разнос, начался процесс горбачевской демократизации, и история получила резонанс на I Съезде народных депутатов. В результате в первоначальном авантюрном виде проект был похоронен, реализовались лишь некоторые из его осмысленных деталей. С Виктором Степановичем Черномырдиным в ходе последующей совместной работы этой истории мы никогда не касались.

Еще одна, пожалуй, наиболее интересная история, связанная с механизмом лоббирования крупных инвестиционных проектов, произошла несколько позже, когда я уже возглавлял Институт экономической политики.

Весной 1991 года в Госэкспертизу Минэкономики поступил проект использования нефтяного месторождения Тенгиз, находящегося на территории Казахстана, с участием крупной американской компании "Шеврон" — одной из семерки "Великих нефтяных сестер". Коллеги-экономисты, ознакомившись с документами, вспомнили историю с "проектом века" и попросили меня возглавить экспертизу. Сразу предупредили: наверху давят, чтобы заключение экспертизы непременно было положительным.

Тенгизское нефтяное месторождение сопоставимо по своим запасам с нашим знаменитым Самотло-ром, позволявшим в течение целых пятнадцати лет держать на плаву тяжелый, неповоротливый броненосец брежневской экономики. Месторождение разведано, нефть хорошая, правда, с повышенным содержанием серы. Ежегодную добычу можно довес-

ти до 30 миллионов тонн и поддерживать на таком уровне долгое время. В отличие от Самотлора, расположено сравнительно близко от транспортных путей. В конце 80-х годов Тенгиз считали козырной картой Советского Союза в борьбе за будущее.

Я понимал, что вступаю в игру слишком поздно. Соглашение, подготовленное в результате переговоров американской и советской делегаций, уже обсудили при встрече президенты США и СССР. Одобрили, подписали бумаги. Проекту дан зеленый свет. По большому счету, экспертиза нужна, чтобы все формально одобрить. Но...

Любая западная корпорация — хищник. Иначе ее бы сразу растерзали другие корпорации. Однако она и не опереточный злодей. Просто обучена жизнью играть по жестким правилам бизнеса. И когда неожиданно на противоположной стороне стола переговоров вместо привычного партнера-хищника возникает нечто малокомпетентное, да еще имеющее личные интересы, не целиком, мягко говоря, совпадающие с интересами представляемой страны, результат может получиться поразительный.

Я и не обвиняю специалистов "Шеврона", готовивших проект контракта, в каких-либо особых грехах. Отстаивая выгоды своей корпорации, они действовали профессионально. И именно потому выработанное соглашение приобрело поистине фантастическую форму. Множество ловко встроенных в текст юридических закорючек и зацепок давало корпорации существеннейшие односторонние преимущества.

Посмотрев проект, я понял: уйти в сторону, отказаться от экспертизы нельзя. Действовать нужно быстро, считаясь с тем, что соглашение будет без всякой экспертизы подписано не сегодня, так завтра. На Горбачева энергично давили и советские сторонники проекта, и американцы.

Первое, что я сделал, — через О.Ожерельева, в то время помощника президента по экономике, об-

ратился с письмом к Горбачеву, привел очевидные несуразицы из проекта договора, убедительно попросил не спешить, позволить разобраться подробнее. Положительная резолюция Горбачева на записке дала возможность приступить к детальной экспертизе. Работа над представленным проектом документа подтвердила худшие опасения. Становилось все более очевидным: в случае подписания проекта на предложенных условиях "Шеврон" окажется собственником одного из крупнейших месторождений мира, не приняв на себя никаких четких обязательств по отношению к нашей стране.

Приведу несколько отрывков из подготовленного заключения:

...В случае с Тенгизом, взяв на себя практически весь риск поисково-разведочных работ, СССР понес крупные производственные затраты и предоставляет совместному предприятию разведанное месторождение, на котором начата добыча нефти, уже пошла прибыль.

...Советская сторона предоставляет совместному предприятию, половина собственности которого принадлежит "Шеврону", исключительное право на разведку, разработку и добычу углеводородов на всей территории, охватывающей Тенгизское и Королевское месторождения. С момента подписания контракта "Шеврон" становится собственником половины скважин, трубопроводов, установок, закупленных в последние годы Советским Союзом для эксплуатации Тенгизского месторождения...

Что касается обязательств компании "Шеврон", получавшей монопольные права на эксплуатацию крупнейшего месторождения, то в представленном проекте договора они просто отсутствовали. В нем не было сказано ничего определенного, обязывающего относительно объема и сроков инвестиций в развитие совместного предприятия. Все представленные по этим и другим вопросам расчеты и предложения носили ориентировочно-предположитель-

ный характер. Разделы соглашения, посвященные этим вопросам, изобиловали словами о необходимости провести переговоры, внимательно изучить и оценить проблемы. Определенность была лишь в одном: “Шеврон”, не будучи заинтересованным вкладывать деньги в комплексную переработку сырья, явно ориентировался на экспорт советской сырой нефти.

Даже минимальный размер роялти, до которого в своих предложениях опустилась советская сторона (в среднем за период действия соглашения 7,5 процента совокупной добычи нефти), до сих пор не принят американской компанией.

Единственным исключением, пожалуй, было обещание исправно платить обычные советские налоги. Но и его сводил на нет пункт 13.2 проекта договора, предоставляющий управляющему комитетом “Тенгизшевройла” право своим решением создавать не облагаемые налогом финансовые фонды и расходовать их по своему усмотрению...

Не хочу утомлять читателя перечнем всех пунктов соглашения, дающих односторонние выгоды американцам, их было немало. Заключение же наше заканчивалось выводом: предложенный нам проект соглашения предоставляет беспрецедентные преимущества компании “Шеврон” в ущерб интересам Советского Союза в целом и Казахстана в частности.

Сторонники проекта всполошились. Горбачева начали пугать, что пересмотр подготовленного соглашения не только нанесет ущерб советско-американским отношениям, но и осложнит сотрудничество с деловыми кругами других западных стран, обернется серьезными политическими потерями.

Провели серию переговоров в Москве. С американской стороны их возглавлял Д.Гиффин, президент Американско-Российского консорциума, несущей конструкцией которого был тенгизский проект. Ситуация вполне понятная и, вместе с тем, презабавнейшая. С одной стороны, американцы и наш Мин-

нефтепром во главе с министром В. Чуриловым, с другой — члены экспертной комиссии, ученые, экономисты, геологи, экологи. Разговор получается странный. Мы задаем конкретные вопросы об отсутствии правовых гарантий, обеспечивающих интересы советской стороны, произвольных допущениях при расчете денежных потоков, аномалиях в механизме расчета себестоимости. Нам в ответ — аргументы об исключительном международном значении проекта, его политической поддержке на высшем уровне.

После встречи в Москве звонят из аппарата М. Горбачева: между ним и Дж. Бушем достигнута договоренность, что члены экспертной комиссии вылетят в Сан-Франциско и проведут переговоры с руководством "Шеврона". Несложно понять — главная задача не столько учесть наши принципиальные замечания, сколько убедить в нецелесообразности упорствовать.

Звоню В. Щербакову, в то время первому заместителю председателя Кабинета министров СССР, министру экономики. Мы давно и неплохо знакомы, еще со времен его работы на КамАЗе. Говорю, что согласен провести переговоры с американцами, но считаю **необходимым**, во-первых, занять жесткую позицию, во-вторых, привлечь к юридической экспертизе проекта международные фирмы, профессионально занимающиеся подобными контрактами, слишком уж в нем много юридически тонких мест, можно допустить серьезную ошибку, нанести ущерб интересам страны. Получив его принципиальное согласие, вылетаю в США.

На аэродроме в **Нью-Йорке** отклоняю энергичное предложение безмерно гостеприимных американцев немедленно лететь в Сан-Франциско, откладываюсь и остаюсь на один день для консультаций. Подписав документ о конфиденциальности, показываю проект договора своим друзьям из крупной **нью-йоркской** юридической фирмы. Их оценки **совпада-**

ют с моими: в существующем виде соглашение предоставляет бесспорные односторонние преимущества "Шеврону".

На следующий день — переговоры с руководством "Шеврона". С американской стороны их возглавляет Р.Мецке, президент "Шеврон оверсиз компани", с нашей — я. Вначале отношение американцев — покровительственно-снисходительное: понятное дело, советские коллеги навывдумывали ерундовых придинок, сейчас мы им все объясним. Но по ходу переговоров настроение постепенно меняется.

Когда же мы продемонстрировали пункты проекта соглашения, позволяющие "Шеврону", при желании, не платить ни копейки налогов на прибыль и не выделять ни одного цента на инвестиции, сохраняя при этом все свои приобретенные права, возникло ощущение, что американским представителям откровенно неудобно, просто стыдно смотреть нам в глаза. Начались оправдания: ну вы же понимаете, мы порядочные люди, мы и налоги будем платить, и инвестиционные обязательства собираемся выполнять.

В результате подготовили и подписали документ, фиксирующий согласие "Шеврона" пойти на радикальный пересмотр условий соглашения, с учетом интересов советской стороны. Договорились о продолжении переговоров. Убедился еще раз в том, что знал и ранее: за нас самих никто и нигде не будет отстаивать наши национальные интересы.

Думаю, что эта история была уроком и для высшего руководства страны.

Здесь, наверное, самое время сказать об авторе перестройки, о моем отношении к нему. С самого начала я относился к Горбачеву гораздо теплее, чем многие мои друзья и единомышленники. Когда его слова о гласности стали подкрепляться делами и произошли серьезные подвижки во внутренней и внешней политике, я для себя твердо решил, что буду его поддерживать. И поддерживал намного дол-

ше тех, кто сперва в одночасье подпал под его обаяние, а потом столь же быстро от него открестился. Я понимал, насколько тяжела ноша российских реформаторов, в памяти постоянно возникали образы Сперанского, Витте, Столыпина, участи которых не позавидуешь.

Очень часто на различных совещаниях, которые вел Горбачев, я подмечал его сильные и слабые стороны. Сильные состояли в умении формировать и направлять консенсус, предлагать нестандартные решения, которые были внове для собравшихся и вместе с тем как бы вытекали из выраженных ими же мнений, из их воли. Но в этом была и слабость Горбачева, ибо аккумулируемая им сумма многих волей, в том числе и противоречивых, выливалась в конечном счете в приглаженные решения, в то время как ситуация в стране требовала мер решительных и однозначных. Особенно остро этот порок проявился в постоянной двойственности экономической политики. С одной стороны, был запущен механизм быстрого развала старой бюрократической системы управления, с другой — этот процесс не был подкреплён новыми работающими рыночными механизмами.

В 1988 году на фоне обостряющихся бюджетных и финансовых проблем начался так называемый перевод предприятий на полный хозяйственный расчёт, что укрепляло независимость директоров предприятий, расширяло свободу их маневра. Были установлены нормативы распределения прибыли без изъятия ее свободных остатков. Но одновременно не вводилась финансовая ответственность предприятия за результаты его хозяйственной деятельности. Общий итог: внесенные в иерархическую экономику разрозненные, несистематические изменения ускорили нарастание экономических диспропорций. Темпы роста номинальных денежных доходов начали выходить из-под контроля. Ничем не обеспеченные деньги выбрасывались на потребительский ры-

нок, стимулируя волны покупательского ажиотажа, быстро сокращая круг товаров, имеющих в свободной торговле. Все большая часть страны садилась на карточки.

Между тем высшее руководство пребывало в уверенности, что в экономике приняты важные, прогрессивные решения и что, несмотря на отдельные трудности, дела скоро пойдут на лад. На мой взгляд, у М.Горбачева это представление было поколеблено лишь летом 88-го, после красноярской поездки, когда, в очередной раз выйдя поговорить с людьми о ходе перестройки, он вдруг убедился в полном отсутствии у них оптимизма в оценке происходящего. Ему задавали непривычно жесткий и злой вопрос: куда девались товары, которые еще недавно были в свободной продаже? Вернувшись в Москву, он провел подряд несколько совещаний, явно пытаясь понять, что же не так, в чем ошибка, почему реформы не дают ожидаемых результатов.

Осенью 1988 года, работая по заданию Н.Рыжкова над одним из правительственных документов, знакомлюсь с закрытым вариантом бюджета, предложенного на 1989 год. Его абсолютно самоубийственный характер очевиден. Дефицит бюджета продолжает неконтролируемо расти, покрывается за счет экспансии денежной массы. Правительство пассивно наблюдает за финансовой разрухой, совершенно не отдавая себе отчета в том, что происходящее чревато бурными социальными катаклизмами, крушением режима. Так было во Франции накануне Великой революции, в России — перед 1917 годом, в Китае — накануне краха Гоминьдана.

Пожалуй, именно тогда отчетливо осознаю, что Советский Союз действительно стоит перед угрозой потрясений революционного характера. Революция в стране, начиненной ядерным оружием, — огромный риск для всего мира. Сколь бы ни был порочен коммунистический режим, вся моя либеральная сущность протестует против его радикальной лом-

ки. Наша важнейшая задача — обеспечить плавный, наименее конфликтный и опасный выход из социализма. Беда в том, что ни политическое руководство, ни общество явно не представляют себе меру реальной опасности, последствия принимаемых экономических решений.

Отчаявшись достучаться со страниц "Коммуниста" до сознания лидеров, вместе с О.Лацисом пишем короткую записку Горбачеву. Пытаемся объяснить ему суть происходящего, прямую связь развала потребительского рынка с финансовыми диспропорциями, предложить набор решений, позволяющих взять ситуацию под контроль: существенное сокращение военных расходов, ограничение централизованных капитальных вложений, маневр в импорте, направленный на увеличение доли наиболее финансово-эффективных потребительских товаров, меры, позволяющие существенно сократить объемы бюджетного дефицита и взять под контроль темп роста денежной массы.

Мы не слишком надеемся на успех. Разных записок писали немало, делаем это, скорее, для очистки совести. Записку передали через Ивана Фролова — к этому времени он один из помощников Горбачева, — сопроводили ее набором опубликованных в "Коммунисте" материалов, подробно разъясняющих динамику финансового и общеэкономического кризиса. К нашему удивлению, записка произвела на Михаила Сергеевича сильное впечатление. Наверное, она в чем-то отвечала его собственным мыслям. Как бы то ни было, он полностью зачитал ее на очередном заседании политбюро, провел подробное обсуждение, дал ряд конкретных поручений правительству. Однако наши рекомендации выглядят слишком радикальными, они явно не в стиле Горбачева. Мелкие изменения в экономическую и финансовую политику были, правда, внесены, но они никак не соответствовали масштабам надвигающегося кризиса. Курс, чреватый финансовым развалом, продолжался.

В 1989-1990 годах я неоднократно встречался с Горбачевым на широких, узких и совсем келейных совещаниях, помогал ему в работе над разнообразными документами. Укрепился в своей оценке его личности. Несомненно, реформатор, искренне желавший изменить и страну, и социалистическую систему, избавить ее от наиболее очевидных уродливых проявлений. Начиная перемены, он, конечно, не понимал, насколько сложны окажутся задачи, какой титанической силы сопротивление будет оказано даже робким попыткам затронуть каркас тоталитарной советской империи. Столкнувшись с мощными, неуправляемыми процессами, Горбачев растерялся и потерял ориентиры. Выпустив из бутылки джинна политической либерализации, не сумел ни подчинить его, ни загнать обратно. И никак не мог решить, чего же он на самом деле хочет. Тут ярко проявилась самая серьезная слабость Горбачева — его неспособность принимать необходимые, хотя и рискованные, решения и последовательно проводить их в жизнь.

В это время в мире широко обсуждали наши проблемы, пытались понять, в чем состоит стратегическая линия Горбачева. У меня сложилось твердое убеждение, что такой линии вообще не существует, Горбачев делает мелкие тактические шажки, сталкивается с новыми проблемами, делает новые шажки и явно не представляет себе, куда это приведет. Не удивительно, что в 1989-1990 годах “горбомания” либеральной интеллигенции довольно быстро идет на спад. А я все равно испытываю к нему глубокую симпатию как к человеку, взявшему на себя, может быть, не по силам тяжелую ношу российского реформатора.

Летом 1990 года отклоняю предложение Григория Явлинского поработать в российском правительстве. Не в последнем счете и потому, что не хочу оставлять Горбачева в тяжелое для него время. Пожалуй, только крутой политический поворот осе-

ни 1990 года, отказ Горбачева от сотрудничества с российскими органами власти, явная ставка его на консервативную часть партийной элиты и силовые структуры, кровавые события в Вильнюсе подвели для меня черту под историей Горбачева-реформатора.

Между тем, к этому времени для либеральной интеллигенции политический распад давно стал двуплюсным. Если не Горбачев, то Ельцин.

Мое отношение к Ельцину тоже далеко не однозначно. Он мой земляк, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии. Свердловские связи у нас в семье, как я уже говорил, всегда были сильными. Мы знали о том, как друзья, знакомые оценивают местных руководителей. К Ельцину относились очень хорошо, по-теплому. Говорили, что это один из руководителей, искренне переживающих за дело, способных нормально говорить с людьми. Были огорчены, когда его забрали из Свердловска в Москву. От тех, кому приходилось общаться с ним в Москве по делам городского комитета партии, отзывы были тоже, скорее, позитивные. Да, есть проблемы с кадрами, не знает, кого привлечь, но по крайней мере пытается что-то сделать, навести порядок.

Выступление его на Пленуме ЦК КПСС осенью 1987 года, последующее покаяние на Московской городской конференции, выступление летом 1988 года на 19-й партконференции — все вместе производило довольно сложное впечатление. Были хорошо видны сила и политический потенциал, умение ухватить проблемы, которые действительно волнуют людей. И полная неясность в том, куда этот политический потенциал будет направлен. Особенно смутным было все, что связано с экономикой.

Постепенно стало ясно — Ельцин готов использовать против одряхлевшего социалистического режима его собственное, правда, давно затупившееся от времени оружие — энергичный социальный популизм. Когда через открытую Горбачевым дверку

гласности пошел поток информации о привилегиях партийной и государственной элиты, когда высветились масштабы социального неравенства, все эти кремлевские пайки, специальные секции ГУМа, спецполиклиники, спецпансионаты, государственные дачи, радикальные противники коммунистического режима использовали критику привилегий в качестве мощнейшей пропаганды, затрагивающей самые глубинные исторические корни общественного сознания людей, их представления о справедливости. Призыв взять все и поделить, который в свое время в полной мере использовали большевики в борьбе за власть, оказался на этот раз обращенным против них самих.

Ельцин, ездивший в трамвае и пошедший в обычную районную поликлинику, буквально взмыл на гребне народной симпатии, после чего мог себе позволить и неудачные выступления в Америке, и загадочные падения в реку. Ничего не могло остановить роста его популярности, а все накладки молва относил на счет "заговора" элиты против народно-гозаступника.

Когда же на выборах в Москве Ельцин с разгромным счетом (90:10) победил своего соперника, которого поддерживал партийный аппарат, всем стало очевидно, что мы имеем дело с настоящим политическим лидером. Было неясно другое — как распорядится этот лидер той мощной поддержкой, которую оказал ему народ.

Те, кто, как и я, хотели бы добиться глубоких, но все же постепенных, упорядоченных реформ, возлагали свою надежду на стратегический союз Горбачева, как царя-реформатора, и Ельцина, как народного вождя. Конечно, их нелюбезная риторика по отношению друг к другу, не слишком ловкие маневры Горбачева, пытавшегося предотвратить избрание Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР, не содействовали такому тандему, но и не исключали его. Особенно реальным подобный союз

стал летом 1990 года, когда Ельцин и Горбачев договорились о разработке и реализации экономической реформы, известной как программа "500 дней". Казалось, совместно они смогут остановить неконтролируемый распад социально-экономических структур, повернуть преобразования в более или менее упорядоченное русло.

С Григорием Явлинским, инициатором создания указанной программы, мы познакомились осенью 1988 года. Меня тогда попросили помочь в подготовке доклада председателя Совета Министров Николая Рыжкова о долгосрочных перспективах развития советской экономики. Наша авторская группа работала в санатории Совмина "Сосны". В ней было несколько моих знакомых, в частности Яков Уринсон, руководивший главным вычислительным центром Госплана, Владимир Машиц, работавший в Центральном экономико-математическом институте, Татьяна Корягина, профессор из научно-исследовательского экономического института Госплана.

Татьяна Ивановна, приехавшая чуть раньше, выбрала столик в столовой и пригласила за него нас с Григорием Алексеевичем. Он в это время заведовал Управлением социального развития в Госкомитете по труду и социальным вопросам и слыл восходящей звездой на явно не богатом талантами фоне правительства Рыжкова.

В группе я отвечал за разделы доклада, связанные с финансовой политикой и экономической реформой, Явлинский — за разделы, связанные с социальным развитием. За время совместной работы, длившейся около месяца, мы близко познакомились, немало гуляли, беседовали на самые различные темы. Работа шла нелегко. У нас и высокого начальства явно расходились представления о реальных долгосрочных перспективах советской экономики, да и краткосрочных тоже.

Я пытался хотя бы минимально подучить Николая Ивановича Рыжкова в общеэкономических и

финансовых вопросах. Надо сказать, на редкость неудачно. Владимир Саваков, близкий помощник Н. Рыжкова, непосредственно руководивший работой группы, регулярно отправлялся с нашими текстами к высокому начальству и возвращался, как правило, расстроенный и разочарованный. Начальству не нравилось, оно не могло понять, как это развал потребительского рынка может быть связан с государственным бюджетом, вникнуть во многие другие экономические премудрости.

От Явлинского требовали четких и точных расчетов бурного повышения уровня жизни советского народа на ближайшее десятилетие, сведений о том, сколько яиц придется на каждую советскую душу в двухтысячном году. Он отбивался, как мог, пытаясь донести до начальства комизм яичных обещаний, впрочем, безуспешно. Шутки воспринимались плохо.

Общее ощущение, сложившееся у меня по совместной работе с Явлинским, было довольно определенным. Несомненно талантлив, ярок, безумно честолюбив, скрыто страдает от явных изъянов в своем экономическом образовании, в чем, к его чести, отдает себе отчет. Впоследствии в Москве неоднократно перезванивались, встречались. Григорий Алексеевич все чаще жаловался на полную безнадежность попыток пробить совминовские структуры, просил как-нибудь свести его с Горбачевым.

Взлет Явлинского начался осенью 89-го, после вхождения его учителя, Леонида Ивановича Абалкина, в правительство. Тогда Абалкин пригласил Явлинского возглавить сводный отдел Комиссии по экономической реформе. Съезд народных депутатов поручил правительству подготовить программу оздоровления экономики. Непосредственно эта работа легла во многом на комиссию Абалкина, а на уровне ведущих исполнителей — на Явлинского и моего старого знакомого, профессора Евгения Ясина, назначенного руководить еще одним отделом Ко-

миссии по реформе. С этого времени и вплоть до лета 91-го года начинается захватывающая история создания примерно десятка программ, которые разрабатывались специалистами, широко обсуждались, принимались на высоком уровне и при этом не оказывали практически никакого влияния на ход хозяйственных процессов, подчинявшихся совсем другой, не предусмотренной в программах реальной логике развала бюрократической экономики.

Эти документы сами по себе интересны, при их сопоставлении видно, как постепенно росло осознание необходимости масштабной программы приватизации и как авторы программ, пытаясь сочетать экономически необходимое с политически возможным, закладывали в прогнозы абсолютно нереальные расчеты. Мне приходилось принимать участие либо в написании, либо в экспертизе многих из них. Изучение этих документов — прелюбопытнейшее занятие для экономического историка.

Явным исключением в ряду этих документов, правда, имевшим не экономический, а политический резонанс, без сомнения, стала программа "500 дней". набросок ее Григорий Алексеевич показал мне, кажется, в марте 90-го года. Содержательно в ней не было ничего особенно нового. Она в основном повторяла логику предшествующих программных документов, включала стабилизационные мероприятия как базу, предшествующую либерализации цен, структурные реформы, приватизацию. Но одно публицистическое нововведение было, без сомнения, блестящим — раскладка по дням. Разумеется, к экономике это никакого отношения не имело, невозможно по дням расписать такой процесс, как масштабные социально-экономические реформы, особенно в условиях распадающейся экономики. Если беспристрастным глазом специалиста перечитать программу "500 дней", то многие из ее сюжетов невозможно воспринимать без улыбки. Но дело, как я уже говорил, было не в экономике, эта программа

поразительно точно накладывалась на политические потребности **дня**, обещая выбитому из привычной колеи российскому обществу простые рецепты создания рыночного счастья. Притом — малой ценой!

Представление о том, что крушение социализма отнюдь не равнозначно появлению развитой, эффективной рыночной экономики, что родимые пятна социализма придется выводить десятилетиями, что предстоит огромная, тяжелейшая работа для того, чтобы создать хотя бы предпосылки нормально функционирующего рынка, — далеко за пределами экономических идей, доминирующих в массовом общественном сознании.

Но в политическом плане рассчитанная на короткий срок и расписанная по дням программа построения в Советском Союзе развитой рыночной экономики — это именно то, что было необходимо Ельцину и той части элиты, которая пошла за ним. Сама по себе реалистичность или нереалистичность программы с экономической точки зрения не имела никакого значения. Даже ложная идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

И тогда, летом 90-го, и впоследствии мы неоднократно обсуждали и с самим Явлинским, и с другими соавторами этой программы — Евгением Ясиным, Владимиром Машицем, Борисом Федоровым — их отношение к ней. Нет сомнения, что большинство из них ни в малой степени не сомневалось в ее утопии. И вместе с тем в политическом ключе программа "**500 дней**" была в тот момент, безусловно, полезной, ибо она способствовала сближению Горбачева и Ельцина, создавала базу для их возможного союза и проведения согласованной линии. А следовательно — и для предотвращения разрушительной войны законов. Именно это и заставило меня в конце лета 90-го года публично поддержать эту программу, лишь мягко высказав сомнения в реалистичности многих параметров, положенных в ее основу.

Увы, программе Явлинского не суждено было оправдать и свое политическое предназначение. После долгих колебаний, под мощным давлением силовых структур, консервативной части аппарата, Горбачев отказался от соглашения с Ельциным и поддержки программы "500 дней". С этого момента вплоть до осени 91-го года о какой бы то ни было экономически осмысленной политике можно было забыть. Между рушащимся Союзом и Россией началась ожесточенная борьба за власть.

Любому непредвзятому наблюдателю стало ясно, что страна приближается к экономическому краху. Это было очевидно и авторам программы "500 дней", которые записали в ее преамбуле, что в случае отказа руководства Союза и России от согласованных действий по проведению рыночных реформ продолжится процесс дезинтеграции экономической системы, появятся десятки автаркии в границах областей и национально-территориальных образований. Обмен продукцией между ними примет форму бартерных сделок. В результате придется выбирать между гиперинфляцией и прямым изъятием денежных средств у предприятий и населения. Спад производства углубится, многие крупные предприятия останутся из-за нехватки комплектующих изделий. Острый дефицит потребительских товаров и продукции производственного назначения можно будет покрывать только за счет импорта, однако стране, вероятно, будет отказано в новых кредитах. Начнутся упадок крупных городских центров и падение товарности наиболее урожайных сельскохозяйственных регионов. Потребительский рынок вытеснится нормированным распределением и черным рынком. Экономический крах усугубится отсутствием единой программы действий. Каждая республика, а затем каждая территория (вплоть до районов) будут пытаться выбраться из кризиса в одиночку, что губительно для интегрирования сверхмонополизированной экономической системы. Политичес-

кие последствия — окончательный распад Союза, столкновения на национальной почве в этнически неоднородных регионах. Неподчинение закону будет охватывать все сферы общества.

Теперь этот сценарий становился неизбежным. Вопрос состоял только в том, что делать, как жить дальше, когда точно нарисованная картина грядущей катастрофы начнет воплощаться в реальность? Можно ли хоть как-то ограничить экономические и политические тяготы? Как попытаться повлиять на власть на уровне Союза и республик, чтобы использовать все возможности для предотвращения катастрофы или по меньшей мере — смягчения ее последствий? Многие ждали ответа на эти вопросы от популярного Явлинского. Но он, вопреки призывам и уговорам российского руководства остаться в правительстве и продолжать работу по подготовке рыночной реформы, подал в отставку. Шаг политически выверенный, точный. Конечно, оставаясь в российском правительстве, можно было бы немало сделать для создания фундамента приватизационного процесса, формирования рыночного законодательства, правовой защиты частной собственности и многого другого. Но все это — на фоне нарастающего экономического кризиса, ответственность за который совершенно неизбежно падает на тех, кто стоит у руля. Контраст со сладкой сказкой программы "500 дней" будет слишком сильным. Политическая цена — высокой.

В день своей отставки Григорий Явлинский заехал на госдачу в Волынское, где мы работали с Евгением Ясиным, Станиславом Шаталиным, Николаем Петраковым, Абелом Аганбегяном. Премьер российского правительства Силаев звонил Ясину, спрашивал, не согласится ли тот занять место Явлинского. Явлинский отговаривал Евгения Григорьевича, да тот и не собирался соглашаться. Позже подъехал Горбачев. Обсуждали эклектичный документ — гибрид программы "500 дней" и правительственной

программы, подготовленной Леонидом Абалкиным. Говорили о разном. Горбачеву пришла в голову экзотическая идея — назначить депутата Журавлева из Белоруссии, на мой взгляд, достаточно эмоционального и неуравновешенного, председателем Центрального банка. Мы не рекомендовали. В целом было ощущение, что Горбачев отдает себе отчет, в каком политическом тупике он оказался.

Там же, в Волынском, Абел Аганбегян предложил мне возглавить сформированный в Академии народного хозяйства исследовательский институт. Предполагалось назвать его Институтом хозяйственного механизма. Подумав, я согласился. Тут же договорились с секретарем Отделения экономики Академии наук С.Шаталиным, что институт будет двойного подчинения: Академии народного хозяйства и Академии наук — и получит название Института экономической политики. Там попытаемся собрать наиболее динамичных экономистов молодого поколения.

Принял предложение тем более охотно, что стал тяготиться работой в печати. В начале 1990 года по предложению Ивана Фролова возглавил экономический отдел "Правды", опубликовал там несколько больших статей, в том числе, наверное, наиболее известную мою газетную публикацию "Благие намерения", обобщавшую уроки экономической политики Горбачева и Рыжкова. Однако становилось ясно, что на фоне усиливавшихся консервативных тенденций превратить "Правду" в реформаторский орган не удастся. Мои статьи разительно дисгармонировали с тем, что печаталось по другим разделам.

К этому времени я уже проинформировал Ивана Фролова, что ухожу. Думал о том, чем займусь дальше. Твердо решил вернуться в науку. Предложение возглавить новый, молодой институт, не обремененный балластом бездельников-блатников, такой, куда я смогу подбирать людей исключительно по их способностям, было очень привлекательно. Институт

предполагалось создать небольшой, около 100 человек. Практически всех сотрудников подбирал лично. Удалось сформировать, как мне кажется, неплохой коллектив. Заместителями директора стали специалист по межотраслевому балансу Андрей Нечаев, пришедший из Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, и Владимир Машиц — из Центрального экономико-математического института, прекрасный статистик, знаток хозяйственного механизма. Из Института экономики пригласил Владимира Мау, в то время активно работавшего в области истории экономической мысли и начинавшего свои исследования по современной политической экономии. Из Института экономики Госплана — Сергея Синельникова, занимавшегося экономикой природопользования, уговорил его переквалифицироваться на проблемы налоговой системы и бюджета. Пришли и другие талантливые экономисты — Александр Радыгин, Елена Журавская, Вадим Иванов. Ленинградское отделение института возглавил Сергей Васильев. В целом коллектив получился дружный, работоспособный.

Между собой договорились: никаких грандиозных программ не пишем, экономической политикой не занимаемся, только изучаем ее. Разумеется, мы готовы проводить экспертизу нормативных актов, предложений, программных разработок и российского, и союзного правительства, давать свои оценки, помогать, но главное для нас — изучение механизмов функционирования российской экономики, протекающих в ней процессов, их краткосрочное прогнозирование. Это тем более важно, что реальные возможности органов власти влиять на развитие событий в экономике становятся все более прозрачными.

На первом большом семинаре института в январе 1991 года я сделал доклад "Об экономике нестабильности и перспективах развития советского народного хозяйства". С осени 1990 года советская

экономика вошла в режим подавленно-открытой инфляции. Быстро растут цены и сохраняется дефицит на всех видах товарных рынков. Прогнозирую три этапа: период подавленно-открытой инфляции, период открытой инфляции и стабилизационные процессы. Мы не можем точно определить даты перехода от первого этапа ко второму и от второго к третьему. Но зато достаточно легко предугадать основные параметры социально-экономического развития на каждом из этих этапов, в частности темпы роста денежной массы, темпы роста цен, бюджетный дефицит, долю дотаций в валовом внутреннем продукте, реальные и номинальные доходы населения, объем промышленного производства. Нарисовал графики этих параметров для периодов до либерализации цен, после их либерализации и в момент развертывания стабилизационных процессов.

Последующее развитие событий довольно точно подтвердило мой прогноз.